

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Камышанов А.М. Сельские поселения Боспора в VI - первой трети III вв. до н.э.: проблемы выявления и интерпретации // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.75761 EDN: ZLSOQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75761

Сельские поселения Боспора в VI - первой трети III вв. до н.э.: проблемы выявления и интерпретации

Камышанов Антон Михайлович

ORCID: 0000-0002-1899-2680

аспирант, кафедра археологии; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, Ломоносовский пр-кт, д. 27 к. 4

✉ akamysh010198@mail.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.75761

EDN:

ZLSOQU

Дата направления статьи в редакцию:

02-09-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: Масштабные археологические работы последних лет в Восточном Крыму и на Таманском полуострове актуализировали исследование сельских поселений Боспора. Статья посвящена проблемам выявления, типологии и классификации этих объектов на начальном этапе существования системы сельского расселения в VI – первой трети III вв. до н. э. по археологическим данным. Автор анализирует возможности и ограничения использования этих сведений для отделения поселений от других объектов, расположенных на сельской территории. Особое внимание уделено сложностям, возникающим с определением сезонных поселений. На основании анализа результатов раскопок и отдельных разведок предпринята попытка расширить и углубить типологию поселений, разработанную И. Т. Кругликовой и А. А. Масленниковым и предусматривавшую для этого периода существование только деревень и

неукрепленных усадеб. Кроме того, автором рассмотрены перспективы классификации сельских поселений. Методология исследования основана на комплексном анализе археологических данных о памятниках сельской территории Боспора, а также сведений о планировке и характере застройки сельских поселений. В результате автором были определены ключевые проблемы идентификации поселений, связанные с многослойностью памятников, наличием сезонных населенных пунктов и маловыразительных объектов, а также различиями в качестве археологических данных по разным регионам. Кроме того, предложена уточнённая типология сельских поселений, включающая три основных типа: отдельно стоящие домохозяйства (неукреплённые, сблокированные, укрепленные усадьбы), деревни (греческие и варварские с линейной планировкой, а также сблокированные комплексы, известные только по поселению Манитра) и поселения с элементами нуклеарной планировки (укрепленные и неукрепленные «городки»). Для Восточного Крыма также разработана четырехчастная размерная классификация поселений по количеству экономически активных жителей. Установлено, что данные по Таманскому полуострову требуют иных методов анализа из-за особенностей сохранности и изученности памятников, что остро ставит вопрос сопоставимости археологических материалов рассмотренных регионов. Результаты исследования создают основу для дальнейшего анализа системы сельского расселения на Боспоре и для сравнения поселенческих структур разных регионов в рамках Северного Причерноморья.

Ключевые слова:

Боспорское царство, сельские поселения, археологические разведки, Таманский полуостров, Восточный Крым, усадьба, деревня, укрепленная усадьба, типология поселений, Манитра

Основой экономики большинства полисов Боспора с момента их появления было сельское хозяйство, поэтому существование и развитие города во многом определялись процессами оформления и освоения хоры. На протяжении VI – первой трети III вв. до н.э. вокруг греческих апоекий складывалась система сельских поселений, жители которых оставались связаны с городским центром. Исследование этих населенных пунктов способно углубить наши представления об истории боспорской экономики и происходивших в этом регионе социально-политических процессах, однако оно сопряжено с рядом сложностей.

Прежде всего, проблема заключается в неравномерной исследованности сельских территорий боспорских полисов и конкретных археологических памятников, известных по большей части только по результатам разведок. Это, в свою очередь, затрудняет выделение поселений из всех следов человеческой деятельности, оставивших археологические памятники. Кроме того, раскопки последних лет обострили проблему типологии сельских поселений Боспора, теперь уже очевидно требующей дополнения и способной скорректировать наши представления о структуре сельского расселения. Однако в условиях крайне малого количества сведений о большинстве поселений необходима также разработка их классификации, до некоторой степени подменяющая их типологическую атрибуцию. В данном исследовании мы сосредоточимся на памятниках Восточного Крыма и Таманского полуострова, не касаясь территорий Синдики и округа Фанагории, где сельские поселения намного сильнее связаны с автохтонным населением.

Выявление сельских поселений по материалам археологических исследований

Следы человеческой деятельности, которыми сформированы археологические памятники за границами боспорских городов, крайне разнообразны. Помимо остатков поселений, они включают в себя некрополи, общественные здания и сельские святилища, убежища и сторожевые пункты, отдельно стоящие хозяйственные постройки, инфраструктурные сооружения, земельные наделы, на которые вместе с удобрениями попадали фрагменты керамики. Все эти элементы занимали своё функциональное место в структуре сельского расселения и хозяйства, однако информативность разных видов археологических памятников неодинакова. Главная проблема заключается в разделении объектов, оставивших компактные, по сравнению со следами дорог и остатками межевых структур, археологические памятники, по существующим материалам археологических исследований и выделении из них прежде всего поселений как наиболее важной структурной единицы сельской территории.

Сельские поселения — наиболее многочисленная категория известных археологических памятников Боспора, на которых обнаружены датирующие находки рассматриваемого периода. Их следы хорошо прослеживаются при визуальной разведке и сборе подъемного материала: часто фиксируются выходы культурного слоя в обнажениях или в виде золистых пятен на дневной поверхности, заметны остатки сооружений в виде всхолмлений, насыщенных камнем и фрагментами керамики, дневная поверхность памятника, особенно при условии регулярной распахки, покрыта многочисленными находками. Одна из сложностей, сопряженных с анализом этого источника заключается в том, что требования к размещению поселений достаточно универсальны и мало изменились за последние несколько тысяч лет. Следствием этого является не только многослойность подобного вида памятников, но и существование на их месте современных населенных пунктов, в значительной степени ограничивающих возможности археологических работ и уничтожающих культурный слой. Однако это касается далеко не всех античных поселений, так как в течение последних 100-150 лет в силу механизации сельскохозяйственных работ и концентрации населения в крупных поселках и городах количество населенных пунктов значительно сократилось, поэтому археологические работы сейчас возможны в тех местах, где еще в середине XX века находились жилые дома. Обратной стороной этого процесса стал рост указанных городов и поселков, значительно ухудшивший состояние отдельных памятников. Это касается не только и, может быть, не столько крупных сельских поселений, сколько античных полисов и их ближайшей округи, активно захватываемых современной застройкой. Это же, разумеется, дает возможности для проведения охранных работ, результаты которых дают новые сведения о развитии городов и, в меньшей степени, их сельских территорий.

Говоря о сельских поселениях, прежде всего необходимо определить, какие пункты пребывания человека считать таковыми. Заранее оговорим, что противопоставление «городских» и «сельских» поселений определяется в данном случае не их типологической принадлежностью и экономическими функциями, а отношениями полисхора, намного более принципиальными для эллинов: как полис мог существовать в виде нескольких деревень, так и на хоре могли располагаться небольшие города [\[1, p. 277\]](#). Проблема выявления полисов Боспора среди всех поселений, в свою очередь, уже была отдельной темой нашего исследования [\[2\]](#). Итак, среди признаков сельских поселений первым следует назвать наличие построек, пригодных для проживания. Во-вторых, на таком виде памятников должны присутствовать следы повседневной жизни. В-третьих, также должны прослеживаться следы хозяйственной деятельности. Наличие всех трех признаков позволяет уверенно говорить о том, что конкретный археологический

памятник на том или ином этапе своего формирования представлял собой поселение. Два признака имеют схожие объекты: укрепленные убежища [\[3\]](#), отдельно стоящие постройки для хранения сельскохозяйственных инструментов и обработки урожая [\[4, р. 122-123\]](#), производственные комплексы наподобие отдельно стоящих виноделен [\[5, с. 192-197\]](#), стоянки пастухов [\[6, с. 168\]](#) и сторожевые пункты [\[7, с. 449\]](#). С одним из этих признаков могут быть связаны, например, общественные сооружения: гестиатории [\[8\]](#) или храмы [\[9\]](#). Раскопки таких объектов позволяют безошибочно их атрибутировать, а в отношении результатов разведок следует ограничиться лишь тем замечанием, что из всего перечисленного именно поселения наиболее выразительны в археологическом отношении, поэтому в большинстве случаев они так же достаточно уверенно опознаются среди всего массива археологических памятников.

Отдельной проблемой является разделение поселений на постоянные и сезонные. Оговорим, что термин «постоянное поселение» употребляется с некоторой долей условности, поскольку сельская местность была заселена преимущественно жителями полиса, долгое время сохранявшими неразрывную связь с городом и, вероятно, периодически проживавшими там в силу особенностей ведения сельского хозяйства в архаический и классический период, хотя постепенно, особенно в IV в. до н.э., доля людей, постоянно проживавших на хоре, росла, а сезонные поселения заменялись постоянными, аналогично развитию поселения Артющенко 1 [\[11, с. 234-236\]](#).

Сезонные поселения, население которых проживало на них только в сельскохозяйственный сезон и, вероятно, даже в это время не находилось там постоянно, были особенно распространены в VI-V вв. до н.э. [\[10, с. 26\]](#), что усложняет попытки их отделения от постоянных поселений. Представляется очевидным, что культурный слой памятников, оставленных сезонными поселениями, имеет меньшую мощность и менее насыщен находками, однако, особенно в отношении крайне немногочисленных материалов VI в. до н.э., необходимо признать, что на основании разведок далеко не всегда возможно отделить сезонные поселения как от постоянных, так и от иных объектов, размещенных на сельской территории полиса. При этом большинство поселений сельской территории Боспора известны нам по результатам визуального осмотра памятников и сбора подъемного материала, поэтому следует оговорить ограничения этих данных. Во-первых, площадь многослойного памятника не может быть напрямую экстраполирована на поселение конкретного периода. Во-вторых, количество подъемного материала определенного времени отражает не столько размер населенного пункта, сколько активность жизни на нем. Поэтому небольшой постоянный населенный пункт, даже отдельно стоящая усадьба, по результатам разведок может оказаться сопоставим с достаточно крупным сезонным поселением, а небольшое сезонное поселение – с маловыразительными следами хозяйственной деятельности. Вследствие этой проблемы любые интерпретации размеров поселений могут носить только крайне условный характер, учитывая невозможность без проведения комплексных разведок и масштабных раскопок определить их реальную площадь и режим пребывания населения.

На части известных археологических памятников в ходе сбора подъемного материала были обнаружены только единичные фрагменты керамики или их небольшие скопления, что не позволяет определить их как остатки поселения. Такие местонахождения, если они однослойные, обычно характеризуются также отсутствием выходов культурного слоя и сравнительно небольшой площадью. С большой долей вероятности подобные памятники соотносятся с описанными выше второстепенными объектами сельской

территории, а внешние характеристики памятника, полученные в ходе разведок, свидетельствуют о малой активности человеческой деятельности на нём. В ряде случаев местонахождения могут свидетельствовать об интенсивном землепользовании с внесением удобрений, следами чего являются находки мелких фрагментов керамики на достаточно большой территории. На территории Боспора такие малозаметные памятники редко попадают в поле зрения исследователей и подвергаются хотя бы первичному изучению. Примерами таких памятников являются Ленинское 8 [\[12, л. 136-159\]](#) и Андреевка Северная [\[13, л. 37-38, 92-104\]](#), исследованные Д. В. Бейлиным в рамках охранных работ. Шурфовки на них дали значительное количество стенок амфорной тары IV-III вв. до н.э. при практически полном отсутствии профильных частей.

При этом нельзя исключать вероятности, что памятник не слишком выразителен внешне по какой-то иной причине, например, из-за отсутствия современной распахки, плотной задернованности поверхности или перекрытия культурного слоя мощными почвенными отложениями. В таком случае даже самое незначительное местонахождение может оказаться поселением, в том числе крупным, или некрополем. Так, например, по результатам разведок Я. М. Паромова на поселении Артющенко 1 наиболее древней находкой была единственная стенка гераклейской амфоры IV-III вв. до н.э. [\[7, с. 497\]](#), однако раскопками впоследствии было открыто значительное поселение конца VI – первой трети V вв. до н.э. и менее крупное поселение IV в. до н.э. [\[11, с. 234-236\]](#). Показательна также история исследования крупного усадебного комплекса Манитра, либо вовсе неизвестного до начала охранных работ, либо соотносящегося с памятником №580, открытым В. В. Веселовым и описанным как небольшое поселение эллинистического и римского времени [\[14, с. 167\]](#).

Таким образом, при анализе археологических памятников сельской территории Боспора любая попытка уверенно выделить поселения по результатам разведок сталкивается с необходимостью поиска компромиссного решения. Слишком мягкие критерии позволяют выявить все существовавшие в VI-III вв. до н.э. поселения, но к ним будут примешиваться иные виды объектов. А слишком строгие, напротив, исключают значительную часть поселений, особенно мельчайших или сезонных, что может значительно исказить картину расселения на отдельных территориях. С другой стороны, несмотря на достаточно низкую информативность имеющихся сведений о всей совокупности сельских поселений Боспора, часть из них в ходе комплексных разведок и раскопок обследована в достаточной мере, чтобы предметно говорить о том, как выглядели и были устроены эти населенные пункты, и, соответственно, иметь возможность уточнить их типологию.

Типология сельских поселений

Первые попытки выстроить типологию сельских поселений были предприняты И. Т. Кругликовой и А. А. Масленниковым. Выявив крайне ограниченные возможности письменных источников, исследователи сосредоточились на анализе результатов археологических работ [\[15, с. 145-147; 16, с. 67-68\]](#). Несмотря на значительную разницу построенных типологических схем, к периоду VI – первой трети III вв. до н.э. оба исследователя относили только два типа поселений: отдельно стоящие неукрепленные усадьбы и неукрепленные деревни [\[15, с. 150; 16, с. 71-72\]](#). Ситуация не изменилась и в XXI веке: несмотря на реализацию масштабных региональных археологических проектов, примером чего является комплексное изучение хоры Нимфея, типология сельских поселений не претерпела существенных изменений [\[6, с. 168\]](#). Таким образом, этот вопрос

можно было бы признать в общих чертах решенным: со времен И. Т. Кругликовой представления о сельской территории, на которой расположены отдельные усадьбы и деревни, не изменились, что во многом соответствует результатам зарубежных исследований [\[17, с. 136\]](#). Однако недавние раскопки на сельских памятниках Боспора демонстрируют, что облик некоторых поселений мог принципиально отличаться.

Современное состояние изученности памятников ближней и «дальней» хоры боспорских полисов раскопками позволяет уточнить и дополнить предложенную И.Т. Кругликовой и А.А. Масленниковым типологическую схему сельских поселений. При этом речь идет не о пересмотре их концепций, а об уточнении хронологических границ некоторых типов и расширении круга эталонных памятников.

Самым маленьким по размеру и количеству населения типом поселений было отдельно стоящее домохозяйство, часто в виде сблокированных вокруг двора усадебных построек. Такими объектами являются исследованные раскопками памятники Карантинная слобода (на раннем этапе своего существования) [\[18\]](#) и Бакланья скала [\[5, с. 21-53\]](#). К этому же типу должны относиться многочисленные не исследованные раскопками поселения, среди которых следует выделить Октябрьское I, вокруг которого сохранились межевые стены клера площадью 4,5 га [\[15, с. 55\]](#).

По всей видимости, большая часть таких поселений располагалась на клерах. Некоторые усадьбы были расположены в непосредственной близости от полиса, в том числе прямо за городскими укреплениями. Примером такого расположения является Эльтиген Западное. Не исключено, что часть усадеб раннего времени, расположенных прямо за границей города, впоследствии была уничтожена при его расширении.

Развитием этого типа являются двух- или трехчастные усадебные комплексы наподобие поселений Карантинная слобода (при расширении усадьбы в III в. до н.э.) [\[18\]](#) и Генеральское Западное (юго-западный склон) [\[5; с. 135-186\]](#). Подобные усадьбы известны также на поселениях Андреевка Южная [\[19\]](#) и Южно-Чурубашское [\[20, р. 297-298\]](#), где они встроены в состав деревень. Наиболее ранним примером подобного совместного домохозяйства является, вероятно, усадьба рубежа VI-V вв. до н.э., открытая на поселении Холм «А» [\[15, с. 32-33\]](#), состоявшем из нескольких подобных комплексов, однако распространение этого вида усадеб приходится на IV-III вв. до н.э. По всей видимости, такие многочастные структуры формировались членами одной большой семьи, хотя в случае поселения Генеральское Западное (юго-западный склон) обстоятельства его появления, в силу особенностей жизни на царских землях, могли быть несколько иными.

Другим вариантом типа отдельно стоящих домохозяйств стали укрепленные крупные усадебные комплексы IV в. до н.э., исследованные в Крымском Приазовье: поселения Генеральское Западное [\[5, с. 54-123\]](#) и Чокракский мыс [\[5, 14-20\]](#). На этих поселениях выявлены хозяйственно-жилые ядра усадеб и отдельные хозяйственные постройки, а также мощные оборонительные сооружения: рвы и стены, отсекавшие мысы, на которых расположены усадьбы, от напольной части. Эти комплексы IV-III вв. до н.э. на данный момент являются уникальными, что объясняется их связью с царским землевладением.

Вторым типом являются греческие деревни и варварские селища, состоящие из нескольких отдельных домохозяйств. Судя по материалам разведок, а также по масштабным раскопкам последних лет, они были вытянуты вдоль одной или двух «улиц», иногда только с одной стороны от неё, с промежутками в 30-50 м. Такая планировка

прослеживалась в ходе разведок на памятниках Слюсареве VI [14, с. 235, рис. 132], Семисотка [14, с. 239, рис. 175], Героевка I [15, с. 39-45], Большой Бабчик [21, л. 152, рис. 208], Багерово I (по нумерации Д. В. Бейлина) [12, л. 92-97], Приазовский 5 [7, с. 121, рис. 23], Красноармейский 6 [7, с. 164, рис. 40], Фонталовская 4 [7, с. 279, рис. 71]. Пример такого размещения домохозяйств был открыт при раскопках поселения Фонтан 6, где 5 из 6 открытых домов были вытянуты в линию, а расстояние между домами составляло 20-50 м [22, с. 149]. В целом необходимо отметить, что памятники, на которых нет средневековых слоев или они четко отделяются от античной зоны застройки, как, например, в комплексе поселений Героевка I – Героевка V, чаще всего заметно вытянуты.

Судя по планам этих поселений, составленных Я. М. Паромовым, а также по описаниям В. В. Веселова и И. Т. Кругликовой, их протяженность составляла до 1 км при ширине около 100-200 м [15, с. 271], хотя чаще фигурирует оценка ширины памятника в 150 м. Подсчеты количества следов застройки показывают, что одно домохозяйство при археологизации и распашке культурного слоя занимает около 0,4-0,5 га в площади памятника. Так, на поселении Кояш на 1,47 га приходятся 3 всхолмления [23, с. 214], на поселении Слюсареве VI 12 пятен расположены на площади 5 га [14, с. 235, рис. 132]. Материалы современных разведок дают значительно меньшую плотность заселения: так, на поселении Багерово I (по Д. В. Бейлину) на 8,6 га расположены 11 домохозяйств, которые при этом концентрируются на площади около 3 га [21, л. 152, рис. 208], а на поселении Большой Бабчик на площади 58 га зафиксированы всего 9 домохозяйств, которые при этом концентрируются на участке около 4,5 га [12, л. 92-97]. По всей видимости, такую разницу создает современная методика разведок, включающая в площадь памятника значительно большую территорию. При этом в зонах концентрации золистых пятен или всхолмлений их вклад в общую площадь варьирует в пределах 0,25-0,5 га.

Подобные числа дает и подсчет плотности домохозяйств по их взаимному расположению. Так, на варварском селище Слюсареве I были выявлены 4 пятна, диаметром 15 м, расположенные на расстоянии 20-25 м друг от друга [15, с. 69] – в таком случае владения одного домохозяйства занимали до 40 м улицы. При двустороннем расположении владений при средней ширине селища в 150 м два домохозяйства занимали площадь в 0,6 га, что позволяет оценить вклад одного домохозяйства в площадь варварского селища в 0,3 га, а при одностороннем размещении при ширине около 100 м – 0,4 га. Необходимо при этом учитывать, что на периферии варварских поселений могли располагаться мусорные ямы [15, с. 72], что несколько снижает плотность домохозяйств. Чуть большие значения интервалов между домами дали раскопки поселения Марфовка Западная, где отдельные домохозяйства отстояли друг от друга на 30-40 м [15, с. 64].

Греческие поселения, по всей видимости, имели менее плотную, но более фундаментальную застройку, и состояли из менее взаимосвязанных между собой домохозяйств. Так, на памятнике Героевка I в береговом обрыве зафиксирован культурный слой протяженностью от 25 до 55 м [15, с. 39-45], причем последнее число, вероятно, и показывает реальные размеры остатков домохозяйств: учитывая, что на плане выходы слоя обычно фиксируются округлыми пятнами, в обрыве скорее будут видны хорды этих окружностей, а не их диаметры. На памятнике Большой Бабчик зафиксированы всхолмления диаметром 25-30 м [12, л. 82-87], а на памятнике Багерово I – до 40 м в диаметре [12, л. 92-97]. Безусловно, эти памятники могут быть и варварскими

селищами в силу их удаленности от главных боспорских полисов, однако принципиально важен тот факт, что размеры домохозяйств различались на разных поселениях и варьировали в промежутке от 15 до 55 м по наибольшей стороне или диаметру жилой и хозяйственной застройки. Промежутки между домохозяйствами на греческих поселениях также были крупнее: на памятнике Героевка I они зафиксированы в береговом обрыве и варьируют от 40 до 140 м [\[15, с. 39-45\]](#), а на памятнике Золотой Рожок – от 30 до 70 м [\[15, с. 77-78\]](#). Такой разброс значений в Героевке I объясним наличием балок и уже описанной проблемой учета протяженности культурного слоя и промежутков между ними. Вероятно, наиболее взвешенной представляется оценка размеров промежутков, равно как и самих домохозяйства, в 40-50 м. Таким образом, в греческих деревнях домохозяйство и его приусадебный участок занимали около 100 м, а скорее даже меньше, протяженности улицы, что при двустороннем расположении и ширине памятника в 150 м дает вклад каждого домохозяйства в площадь памятника в 0,75 га, а при одностороннем будет приближаться к 1 га. Таким образом, усредненной оценкой для расчета количества домохозяйств на поселении по площади памятника будет являться 0,5 га на одно домохозяйство. Применение этой оценки систематически преуменьшает количество домохозяйств на варварских селищах и преувеличивает его в греческих деревнях. Это, в свою очередь, компенсируется разными размерами домохозяйств, особенно в IV в. до н.э., когда на территории греческих деревень возникают крупные усадьбы, как, например, на поселениях Южно-Чурубашское [\[20, р. 297-298\]](#) и Андреевка Южная [\[19\]](#).

Домохозяйства в деревнях располагались на приусадебных участках, оценить размер которых можно только в очень широком диапазоне. Учитывая ширину памятников и среднюю протяженность одного домохозяйства вдоль улицы, для варварских селищ размер этого участка был незначителен и не превышал 40 соток, в то время как в греческих деревнях он мог достигать 1 га. На этом участке находились хозяйственные постройки, мусорные ямы и зольники. По всей видимости, приусадебные участки использовались по сельскохозяйственному назначению и интенсивно обрабатывались с внесением удобрений, что объясняет значительные размеры памятников и концентрацию следов застройки в центральной части памятника. При этом размеры приусадебных участков были несопоставимы с размерами клеров. В этом контексте приобретает особую актуальность вопрос землевладения на Боспоре, слабо разработанный в силу крайней ограниченности источников. Представляется очевидным, что по меньшей мере в VI-V вв. до н.э. земля принадлежала гражданскому коллективу. Остается неизвестным, на каких условиях некоторые граждане полиса получали не только надел, но и ойкопедон с приусадебным участком в сельской местности. Отметим, что участок либо наследовался, либо, по меньшей мере, сохранялся в своих границах, о чем свидетельствуют материалы раскопок поселений Героевка I, Южно-Чурубашское и Андреевка Южная, где обнаружены дома, незначительно смещенные относительно друг друга и хронологически сменявшие друг друга в рамках одного домохозяйства [\[15, с. 43, 47, 51-52\]](#). С осторожностью выдвинем гипотезу, что выделение участка в деревне было стимулирующей мерой для заселения пограничных поселений, либо компенсацией за надел, расположенный вдали от города. Однако этот тезис является скорее постановкой вопроса, чем попыткой ответа на него, и в перспективе, с расширением базы эпиграфических и археологических источников, он сможет быть разрешен.

Кроме того, на данный момент невозможно уверенно разрешить вопрос о постоянстве проживания жителей на этих поселениях как минимум до IV в. до н.э., когда строятся качественные дома, явно предназначенные для всесезонного жилья. Часть памятников,

например, Артюшенко 1, на раннем этапе своего существования уверенно интерпретируются как сезонное поселение, население которого проживало в землянках [11, с. 234-236]. Другие, например, Героевка I, демонстрируют появление сырцово-каменной архитектуры уже в V в. до н.э. [24, р. 43]. И если данные раскопок часто позволяют сделать выводы о характере населения и режиме его пребывания на поселении, то по материалам разведок разрешить этот вопрос крайне затруднительно. Отметим, что по большей части планировка сельских поселений известна по памятникам Восточного Крыма, что связано с плохой сохранностью и невыразительностью архитектурных остатков построек из сырцового кирпича на сельских поселениях Таманского полуострова и, соответственно, невозможностью иногда даже по результатам раскопок предлагать уверенную реконструкцию жизни на поселении.

Актуальной проблемой также является разделение греческих деревень и варварских селищ, массовое появление которых приходится на IV в. до н.э. Раскопками И. Т. Кругликовой частично исследованы селища в глубине Керченского полуострова, благодаря чему были выявлены отличия поселений автохтонного населения и боспорских греков, сформулированные выше. Однако раскопки памятника Фонтан 6 продемонстрировали крайне высокий уровень эллинизированности местного населения уже в IV в. до н.э.: выявленный участок планировки селища и строительные остатки свидетельствовали о греческой архитектурной традиции, однако массовый материал, представленный по большей части фрагментами лепных сосудов, позволил авторам работ предположить местное происхождение населения этой деревни [25, с. 76]. Поэтому в зоне активных контактов автохтонного и эллинского населения на периферии полисной хоры и несколько за ее границами разделение поселений по материалам разведок крайне затруднено, если вообще возможно, учитывая, что даже результаты раскопок таких памятников далеко не всегда можно трактовать однозначно.

По всей видимости, к типу греческих деревень следует относить недавно открытое поселение Манитра [26], в котором на площади около 5000 кв. м. проживало достаточно многочисленное население. Типологическое определение осложняет сплошная застройка поселения, однако при этом в планировке комплекса прослеживается самостоятельность отдельных усадеб. Главной проблемой в изучении этого памятника остается объяснение хозяйственной структуры поселения и причин его появления в такой форме вместо обычной деревни из отдельно стоящих домохозяйств. Аналогий этому поселению на Боспоре нет, что затрудняет его интерпретацию.

Третьим типом сельских поселений являются «городки» или поселки с элементами регулярной планировки. Районы такой застройки выявлены на поселении Волна 1, где жилые помещения сблокированы и лишены характерных для сельских поселений приусадебных участков [27]. До некоторой степени этот тип напоминает Манитру, но, во-первых, датируется на несколько десятилетий раньше, а во-вторых, состоит из нескольких кварталов сблокированных помещений, а не представляет собой тесно связанный комплекс из полноценных усадеб. Возможно, к этому же типу относится Парфений, часть которого была укреплена крепостной стеной [28], а также укрепленные поселения Тобечик 9 [29] и Михайловка [30].

Данная типология даёт приблизительное представление о разнообразии сельских поселений Боспора в рассматриваемое время. Безусловно, она не описывает все многообразие этих объектов. Сложность представляет сочетание разных типов в рамках одного поселения, например, сочетание крупной многочастной усадьбы с небольшими

домами обычной деревенской застройки, как на памятнике Андреевка Южная. Однако подобные сочетания уверенно могут быть установлены только на основании раскопок.

Кроме того, однозначное определение типа поселения далеко не всегда возможно для памятников, известных исключительно по материалам археологических разведок. При этом описанная типология раскрывает не все отличия между сельскими поселениями, которые различались также размерами и количеством населения даже в рамках одного типа. Это актуализирует задачу размерной классификации поселений по археологическим данным, способной не только дополнить, но и для некоторых задач заменить собой их типологию.

Классификация сельских поселений

Так как облик сельских поселений, описанный выше, в основном реконструирован по материалам Восточного Крыма, представляется возможным предложить упрощенную размерную классификацию поселений для этого региона. В качестве основания классификации сельских поселений Восточного Крыма предлагается исходить из количества вероятных экономически активных жителей. Для поселений первого и второго типа этот показатель прямо соотносится с количеством домохозяйств и должен коррелировать с площадью поселения и, соответственно, той или иной части площади памятника в зависимости от особенностей его археологизации. На поселениях третьего типа, а также укрепленных усадьбах Крымского Приазовья и конгломерате усадеб Манитра, особенно в случае использования рабского или наемного труда, большое количество экономически активных жителей достигалось при сравнительно малой площади поселения и/или небольшом количестве домохозяйств.

Нами выделены 4 класса поселений:

1. 1-3 домохозяйства – малое поселение;
2. 4-7 домохозяйств – поселение средних размеров;
3. 8-12 домохозяйств – крупное поселение;
4. Свыше 12 домохозяйств – крупнейшее поселение, сопоставимое с мельчайшими апоיקиями, например, с поселением на мысе Зюк [\[31\]](#).

Границы классов отчасти продиктованы состоянием источников. В. В. Веселов [\[14\]](#) и И. Т. Кругликова [\[15\]](#) оперируют терминами «небольшое поселение» или «незначительное поселение», «поселение» и «крупное поселение», что соотносится с достаточно узко датированными памятниками около 1 га, 2-3 га, 5-6 га и 10 и более га, хотя сведения о площади есть всего для нескольких десятков памятников из более чем трех с половиной сотен, то же касается и относительно уверенных датировок. Также в этой схеме каждый последующий класс (его среднее значение) примерно вдвое превосходит предыдущий: разница между ними достаточно ощутима, но цена ошибки не столь велика. Диапазон значений внутри класса увеличивается по мере увеличения среднего значения размера поселения. Это позволяет учесть возрастающую погрешность: для крупнейших памятников ошибка в определении их размеров на несколько десятков метров в относительных числах невелика, но в абсолютных значениях площади в гектарах приводит к серьезным искажениям нашей реконструкции количества домохозяйств на нем.

Данная схема разработана для Восточного Крыма, так как в материалах разведок этого

региона есть сведения о количестве всхолмлений с выходами камня на памятниках или золистых пятен, интерпретируемых как остатки домохозяйств, и достаточно единообразные, прямые или косвенные, указания на размер памятника. Эту же схему до некоторой степени можно сопоставить с памятниками, открытыми или исследованными в более позднее время. Хотя не все данные хорошо соотносятся между собой, в оценке помогают планы археологических остатков на дневной поверхности.

Для Таманского полуострова эта схема классификации не может быть использована, потому что качество исходных данных принципиально иное. Сведений о всхолмлениях и небольших пятнах нет в силу редкости камня, многослойности напластований и активной распашки, нивелирующей территорию памятника, что в Крыму не так распространено: В. В. Веселовым описаны залежи, не тронутые распашкой как раз по причине плотного расположения каменистых всхолмлений [\[14, с. 23\]](#). По этой же причине Манитра оставалась неизвестным памятником до 2015 года: ее распашка была осложнена наличием камней, что препятствовало попаданию археологического материала на дневную поверхность. Из-за этих особенностей для территорий Таманского полуострова предпочтительна методика, разработанная А. В. Батасовой [\[32\]](#), позволяющая относительно, а не в абсолютных числах, как, например, количество домохозяйств, оценить активность жизни на памятнике в конкретный, хотя и довольно широкий хронологический период. Однако эти расчёты должны быть темой отдельного исследования. На данный момент представляется, что данные двух регионов принципиально несопоставимы в силу различий в процессе археологизации поселений и в методике обследования территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова.

Обратим внимание на то, что типы и классы поселений почти никогда не связаны с некой административной иерархией в системе расселения. Полисы Боспора достаточно компактны, большинство сельских поселений находятся не более чем в 3 часах пути от города, а проживание на хоре до IV в. до н.э. едва ли носило постоянный характер, поэтому необходимости в дополнительных центрах с функциями города, которые выполняли центры демов в крупных полисах, например, в Афинах, не существовало. С переходом к постоянному проживанию на хоре крупнейшие поселения должны были обрести какие-то новые экономические функции, связанные с розничной торговлей и подсобным ремеслом, однако и в этом случае речь не идет о переменах в административной системе. Единственным исключением являются царские земли, в которых роль административно-экономических центров выполняли крупные укрепленные усадьбы [\[5, с. 221\]](#).

Итак, проведенное исследование сельских поселений Боспора VI – первой трети III вв. до н.э. демонстрирует значительную сложность их идентификации и интерпретации по данным археологии, обусловленную особенностями формирования памятников и спецификой источников: преимущественно материалов разведок, сильно различающихся для регионов Восточного Крыма и Таманского полуострова. Предложенные критерии идентификации поселений могут обеспечить надежное выделение сельских поселений из общего массива археологических памятников только при условии их комплексного исследования, поэтому для большинства памятников возможно говорить о существовании на их месте населенного пункта лишь с большей или меньшей степенью уверенности. Ситуация осложняется существованием сезонных поселений, невыразительных в археологическом отношении. При этом накопленные за последние 75 лет археологических исследований материалы позволяют осторожно говорить о типологии этих объектов. Возможно выделить три типа поселений с несколькими вариантами: отдельно стоящие домохозяйства (в том числе неукрепленные, двух- и

трехчастные сблокированные, а также крупные укрепленные усадебные комплексы), деревни (среди которых выделяются варварские селища и греческие деревни с линейной планировкой, а также, возможно, комплекс усадеб Манитра) и «городки» с элементами регулярной планировки (укрепленные и неукрепленные). Наибольшее типологическое разнообразие представлено среди поселений IV-III вв. до н.э., отражая усложнение социально-экономической и политической структуры Боспорского государства, однако значительная часть этих типов и их вариантов относится еще к V в. до н.э. Кроме того, существующие сведения о сельских поселениях Восточного Крыма позволяют классифицировать их по размеру или, скорее, по количеству экономически активных жителей, выделив 4 размерных класса, однако отличия памятников Таманского полуострова и качество имеющихся о них данных не позволяют создать единую аналитическую схему для всего Боспора. Полученные результаты создают основу для понимания структуры сельского расселения и, отчасти, её эволюции в контексте политического и экономического развития Боспорского царства, что также перспективно для сравнительных исследований античных систем расселения в Северном Причерноморье.

Библиография

1. Hansen M. H. 95 Theses about the Greek "Polis" in the archaic and classical periods. A report on the results obtained by the Copenhagen Polis Centre in the Period 1993 – 2003 // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2003. Bd. 52. Hf. 3. Pp. 257-282.
2. Камышанов А.М. Особенности процесса греческой колонизации на Боспоре в VII-VI вв. до н.э. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2025. № 3. С. 117-131. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.3.74607 EDN: WMJCM I URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74607
3. Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В. Археологические исследования Степного отряда Южно-Боспорской экспедиции в Восточном Крыму в 2023 году // *История и археология Крыма*. 2024. Вып. XXII. С. 24-33.
4. Bintliff J. Agricultural Intensification and the Evidence from Offsite Survey Archaeology // *Journal of World Prehistory*. 2023. Vol. 36. Pp. 109-145. DOI: 10.1007/s10963-023-09176-4 EDN: QBNUPZ
5. Масленников А. А. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье. Т. 1: Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников // *Древности Боспора. Supplementum III*. М.: Триумф-принт, 2010.
6. Зинько В. Н. Хора боспорского города Нимфея // *Боспорские исследования*. Вып. IV. Симферополь-Керчь, 2003.
7. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова / Рукопись деп. в ИНИОН РАН. 01.10.1992, N47103. EDN: XARINN
8. Чистов Д. Е., Горская Е. А., Громов М. А., Ильина Ю. И. Вестник-1: греко-варварское поселение на севере Синдики и его некрополь в исследованиях 2021–2023 гг. // *Археологические вести*. 2024. № 44. С. 53-71. DOI: 10.31600/1817-6976-2024-44-53-71 EDN: GRBIUA
9. Зинько В. Н., Зинько А. В. Новые материалы о хоре Нимфея // *Труды Государственного Эрмитажа: Материалы юбилейных научных конференций, посвященных 50-летию Березанской археологической экспедиции, 75-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа и 85-летию со дня рождения Н. Л. Грач, Санкт-Петербург, 23 января 2019 года*. Том 88. Санкт-Петербург: Издательство "Государственный Эрмитаж", 2017. С. 174-184. EDN: FBYPRB
10. Завойкин А. А. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI-V вв. до н. э. // *Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья: опыт методики*

российских и украинских полевых исследований. Москва: Институт археологии Российской академии наук, 2011. С. 18-39. EDN: SJBDGR

11. Виноградов Ю. А. Основные итоги изучения поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 2. С. 233-241. EDN: QIMEGN

12. Бейлин Д. В. Отчет об археологических разведках на территории Ленинского района и г. Керчь Республики Крым в 2017 г. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 60831.

13. Бейлин Д. В. Отчёт об археологических разведках в зоне строительства и реконструкции автомобильной дороги "Северный обход города Керчь от "Порт Крым" до автомобильной дороги Багерово-Херсон-Феодосия-Керчь" на территории Ленинского района и Городского округа Керчь Республики Крым в 2015–2016 гг. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 51604.

14. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum II. М., 2005. EDN: QOXTGL

15. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. EDN: STQMOF

16. Масленников А. А. Типология сельских поселений Боспора // Советская археология. 1989. № 2. С. 66-78. EDN: SGMWLZ

17. Батасова А. В. Сельские поселения Азиатского Боспора: проблемы выявления и интерпретации по данным археологических разведок // Археологические вести. 2020. № 29. С. 136-146. DOI: 10.31600/1817-6976-2020-29-136-146 EDN: JMBVVZ

18. Зинько В. Н. Античное сельское поселение близ Мирмекия // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Вып. III. С. 133-142.

19. Кругликова И. Т. Поселение Андреевка Южное // Древности Боспора. 2001. № 4. С. 182-226.

20. Zinko V. N. The Chora of Nymphaion (6th century BC – 6th century AD) // Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a comparative perspective. Aarhus: University Press, 2006. Pp. 289-308.

21. Бейлин Д. В. Альбом иллюстраций к отчету № 60831 (Илл. 1-437) // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 60832.

22. Виноградов Ю. А., Соловьев С. Л., Журбин Е. В., Филиппенко Р. В. Раскопки античных сельских поселений в Восточном Крыму // Археологические открытия. 2017 год. М.: Институт археологии РАН, 2019. С. 249-251.

23. Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь: Бизнес-Информ, 2006.

24. Scholl T., Zinko V. Archaeological map of Nymphaion (Crimea) // Bibliotheca Antiqua, V. XXIII. Warsaw : Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 1999.

25. Виноградов Ю. А. О составе керамического комплекса поселения Фонтан 6 в Восточном Крыму // "От Кавказа до Дуная": Северное Причерноморье в античную эпоху: Сборник научных трудов к 70-летию профессора С. Ю. Монахова. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2022. С. 72-79. EDN: WDGEOS

26. Ермолин С. А., Буравлев С. А., Бонин А. В. Манитра. Усадебный комплекс эллинистического времени в Восточном Крыму (предварительная публикация центральной усадьбы) // Древности Боспора. М., 2019. Т. 24. С. 171-196. EDN: BDCBJS

27. Житников В. Г. "Восточный район" жилой и хозяйственной застройки V-II вв. до н. э. на поселении "Волна I" (Таманский полуостров) // Древности Боспора. 2017. Т. 21. С. 95-121. EDN: ZRZUKR

28. Столяренко П. Г. Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19-22 ноября 2013 года. СПб.: 26

Издательство Нестор-История, 2013. С. 52-57. EDN: SDUBUH

29. Смекалова Т. Н., Зинько В. Н., Чудин А. В. Магнитная разведка поселения Тобечик-9 // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святителища и сакральные объекты: материалы междунар. науч. конф. Керчь, 2007. С. 293-298.

30. Петерс Б. Г. О работе Михайловской экспедиции (1963–1983 гг.) // Краткие сообщения Института археологии. М., 1985, № 182. С. 23-27.

31. Масленников А. А. Изнутри или снаружи? (О статусе поселения на мысе Зюк, "малых городах" и внутренней колонизации Боспора) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2023. № 3. С. 163-196. DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-163-196 EDN: OKMSBQ

32. Батасова А. В. Классификация античных сельских поселений Таманского полуострова VI-начала V в. до н. э. // Записки Института истории материальной культуры. 2014. № 9. С. 103-113. EDN: STCVJP ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена комплексному анализу сельских поселений Боспорского царства в период с VI по первую треть III века до н.э. Автор рассматривает археологические памятники Восточного Крыма и Таманского полуострова, исключая из исследования территории Синдики и округа Фанагории в силу их специфики, связанной с автохтонным населением. Предметом исследования выступают проблемы идентификации сельских поселений среди всего массива археологических памятников, их типологическая классификация и размерная градация.

Методология исследования

Исследование базируется на комплексном анализе археологических источников, преимущественно материалов разведок, дополненных данными раскопок ключевых памятников. Автор применяет сравнительно-типологический метод для выделения основных типов поселений, статистический анализ для определения размерных характеристик домохозяйств, а также региональный подход, учитывающий специфику археологизации памятников в различных природно-географических условиях Восточного Крыма и Таманского полуострова. Методологически оправданным представляется использование принципа полис-хора как основы для разграничения городских и сельских поселений.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, накопленный за последние десятилетия значительный археологический материал требует систематизации и переосмысления существующих типологических схем. Во-вторых, понимание структуры сельского расселения является ключевым для реконструкции социально-экономического развития Боспорского царства. В-третьих, результаты исследования имеют значение для сравнительных исследований античных систем расселения в Северном Причерноморье. Автор справедливо отмечает неравномерную исследованность сельских территорий и проблемы интерпретации археологических данных, что делает работу особенно востребованной.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в нескольких аспектах. Автор предлагает уточненную типологию сельских поселений, дополняющую классические схемы И.Т. Кругликовой и А.А. Масленникова. Впервые систематически рассматривается проблема выделения поселений среди всего массива следов человеческой деятельности на основе трех критериев: наличия жилых построек, следов повседневной жизни и хозяйственной деятельности. Новым является предложение размерной классификации поселений по количеству экономически активных жителей. Значительным вкладом представляется анализ региональной специфики археологических источников и обоснование невозможности создания единой аналитической схемы для различных территорий Боспора.

Стиль, структура, содержание

Статья отличается ясным научным стилем и логичной структурой. Изложение последовательно развивает основные тезисы от постановки проблемы через методические вопросы к конкретным результатам типологии и классификации. Автор демонстрирует глубокое знание источников и историографии вопроса. Текст насыщен конкретными данными и примерами, что делает выводы убедительными. Вместе с тем, некоторые фрагменты текста содержат излишне детализированные описания конкретных памятников, что иногда затрудняет восприятие основных концептуальных положений. Терминологический аппарат используется корректно, хотя автор справедливо отмечает условность некоторых терминов.

Библиография

Библиографический аппарат статьи является солидным и репрезентативным. Автор привлекает как классические работы (И.Т. Кругликова, А.А. Масленников), так и новейшие исследования, включая материалы недавних раскопок и охранных работ. Представлены работы на русском, английском и других языках, что свидетельствует о широте источниковой базы. Особо следует отметить привлечение отчетов о полевых работах, хранящихся в научном архиве ИА РАН, что позволяет автору опираться на наиболее актуальные данные. Вместе с тем, можно отметить некоторую неравномерность в использовании зарубежной литературы по сравнительным исследованиям систем расселения.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно позиционирует свою работу по отношению к предшествующим исследованиям, подчеркивая, что предлагаемые изменения носят характер уточнений и дополнений, а не радикального пересмотра. Критический анализ существующих подходов ведется в конструктивном ключе с указанием конкретных недостатков и ограничений. Автор честно признает ограниченность собственных выводов, обусловленную качеством источников, что свидетельствует о научной добросовестности. Полемика с предшественниками основана на фактических данных и методических соображениях.

Выводы, интерес читательской аудитории

Основные выводы исследования представляются обоснованными и значимыми для науки. Автор успешно демонстрирует сложность проблем идентификации и интерпретации сельских поселений, предлагает практические критерии и классификационные схемы. Выделение трех основных типов поселений с вариантами и

четырёх размерных классов создает основу для дальнейших исследований. Важным результатом является обоснование региональной специфики источников и невозможности универсального подхода.

Статья будет интересна широкому кругу специалистов: археологам, изучающим античность Северного Причерноморья, историкам, занимающимся проблемами урбанизации и сельского хозяйства античного мира, а также исследователям, работающим с проблемами интерпретации археологических источников. Практическая значимость работы заключается в создании методического инструментария для анализа сельских поселений, что особенно актуально в условиях активизации охранных археологических работ в регионе.

Общая оценка

Статья представляет собой серьезное научное исследование, основанное на солидной источниковой базе и современной методологии. Автор решает важную научную проблему и получает значимые результаты, которые развивают существующие представления о сельском расселении на Боспоре. Работа отличается высоким научным уровнем, методической строгостью и практической значимостью. Отмеченные недостатки носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку исследования. Статья рекомендуется к публикации.